

ДЕКАРТ

РАССУЖДЕНИЕ О МЕТОДЕ И ДРУГИЕ СОЧИНЕНИЯ

Предисловие и комментарии
Николая Карпицкого

Всемирное наследие

Рене Декарт

**Рассуждение о методе
и другие сочинения**

«Издательство АСТ»

1637, 1641, 1644

УДК 1(091)(44)
ББК 87.3(4Фра)

Декарт Р.

Рассуждение о методе и другие сочинения / Р. Декарт —
«Издательство АСТ», 1637, 1641, 1644 — (Всемирное наследие)

ISBN 978-5-17-111313-1

Рене Декарт — удивительный французский математик, философ, механик, физик и физиолог. Он создал математическую символику, которой мы пользуемся и по сей день, а его вклад в философию поистине не оценим. Но главное, чем прославился этот человек — это метод радикального мышления, который он использовал для познания окружающего мира. В данный сборник вошли: «Рассуждение о методе» — одна из известнейших работ Рене Декарта о рациональном методе научного познания. «Первоначала философии» — попытка понять и постичь знание, которая привела к формулированию первых законов физики. «Правила для руководства ума» — доказательство того, что результатом любого научного познания является особое направление ума. Тексты сопровождаются подробными комментариями Николая Карпицкого. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 1(091)(44)

ББК 87.3(4Фра)

ISBN 978-5-17-111313-1

© Декарт Р., 1637, 1641, 1644
© Издательство АСТ, 1637, 1641, 1644

Содержание

Рене Декарт – философ и ученый у истоков Нового времени	6
Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках	16
Часть первая	17
Часть вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рене Декарт

Рассуждения о методе и другие сочинения

Составление, предисловие, комментарии доктора философских наук Николая Карпицкого

Рене Декарт – философ и ученый у истоков Нового времени

Понять философию – означает понять самого философа, его личность. В науке не так. На основе научной теории мы ничего не можем сказать о личности ученого. Однако для Рене Декарта наука и философия были неразделимы и служили выражением его личной жизненной позиции. Тем более что Декарту довелось жить в период, когда шел поиск непроторенных путей развития науки. В эту переходную эпоху ставились принципиально новые вопросы и создавались новые концепции, не укладывающиеся в старую средневековую картину мира. Поэтому в поиске новых путей развития науки самым важным становилась сама личность ученого, его убеждения и жизненный опыт.

Рене Декарт (1596–1650) не просто жил в переходную эпоху, но сам оказался активным ее творцом, оказав решающее влияние на дальнейшее развитие науки и философии. Он был выдающимся математиком, физиком и физиологом. Мы до сих пор используем созданную им математическую символику, а его система координат отражает интуитивное представление человека эпохи Нового времени о бесконечном пространстве. Однако Декарт был не просто ученым, а одним из основоположников новой научной традиции. Задача ученого состояла в том, чтобы приращивать и обрабатывать эмпирическую информацию, т. е. знание о внешнем мире, в то время как основоположник научной традиции должен был предвидеть, в каком направлении будет развиваться наука, и Декарт действительно видел перспективу науки благодаря собственной философской позиции.

В отличие от ученого философ развивает знание исключительно теоретически, в пределах ума, на основе интуитивно найденных предпосылок, которые удостоверяются его личным опытом в качестве самоочевидных истин. Поэтому столь важно понять самое главное жизненное устремление философа, что он считает самоочевидным и из какой идеи исходит в понимании себя и своего места в мире. Для Декарта таким основным жизненным устремлением было познание мира, но не просто познание каких-либо внешних вещей или событий, а их понимание на прочной основе, которую дает теоретический разум. Этот путь Декарт стремился пройти честно, не замалчивая противоречия и не прячась от неразрешимых вопросов. Поэтому, обладая самыми разносторонними интересами в области физики, биологии и психологии, он стремился опираться на фундамент философии и математики, которые давали несомненное теоретическое знание.

Для человека средневековой эпохи прочной основой всякого знания являлось божественное откровение. Объяснить что-либо с позиции науки того времени – означало понять в свете божественного разума, соотнести с высшей истиной откровения. Современный ученый ищет объяснение совсем в ином, а именно – в понимании того, как связаны структурные элементы явления между собой и с окружающей действительностью. Однако Декарт принадлежал переходной эпохе, и поэтому объяснение он искал в соотнесенности целостным самоочевидным знанием, только основой такого знания становятся уже не само божественное откровение, а принципы и самоочевидные идеи, которые заложены в разуме самого человека. Этот новый подход открывает путь критического переосмысления исходных теоретических предпосылок всякого знания, которые мы теперь берем не на веру, а путем исследования и разрешения сомнений.

Родился Рене Декарт 31 марта 1596 года во Франции, в старинном, но обедневшем дворянском роду. Мать умерла, когда ему был год. Отец был судьей и советником парламента в другом городе, и на сына у него оставалось мало времени, поэтому воспитанием занималась

бабушка по матери. Любознательность маленький Рене проявлял с раннего возраста, и отец даже в шутку называл его маленьким философом.

В детстве Декарт не отличался крепким здоровьем, потому в иезуитский коллеж поступил поздно, лишь в 1607 году. В коллеже он получил не только религиозное образование, но и знания по математике и физике, познакомившись также с работами Галилео Галилея. После окончания коллежа он два года изучал право в университете Пуатье и в 1616 году получил степень бакалавра по каноническому и гражданскому правам, затем переехал в Париж, где вел разнообразную и беспорядочную жизнь. Усталость от светской жизни и стремление к путешествиям побудили его поступить на службу в армию. В 1618 году Декарт присоединился к протестантской армии в Голландии, совмещая военную службу с занятиями математикой. В это время он познакомился с другим выдающимся ученым своего времени – Исааком Бекманом, и уже вместе они разрабатывали математический подход к анализу физических процессов. Бекман был одним из первых ученых Нового времени, разрабатывавших атомистическую теорию, однако Декарт не разделял учение об атомах, предложив впоследствии концепцию бесконечной делимости материи.

В 1619 году Декарт поступил на службу к герцогу баварскому Максимилиану и во время Тридцатилетней войны служил уже в католической армии в Германии, участвовал в битве за Прагу, а позже принимал участие в знаменитой осаде Ла-Рошели.

В 1629 году он поселился в Голландии, отдавшись научной работе. В 1634 году закончил свой первый программный труд «Мир», но так и не решился его издать, услышав об осуждении Галилея, чьи взгляды о движении Земли были ему близки. Далее Декарт написал «Рассуждение о методе» (1637), «Размышления о первой философии» (1641), «Первоначала философии» (1644).

В 1635 году у Декарта родилась внебрачная дочь Франсина, которая в возрасте пяти лет умерла от скарлатины. Ее смерть стала тяжелой утратой в его жизни.

В 1649 году он принял приглашение шведской королевы Кристины, которая давно интересовалась его философией, и переехал в Стокгольм. Декарт давал королеве уроки три раза в неделю в пять утра, но вскоре простудился и умер, вероятно, от пневмонии.

В 1663 году папа Александр VII поместил работы философа в «Индекс запрещенных книг»¹, а в 1671 году король Франции и Наварры Людовик XIV запретил преподавать картезианство в учебных заведениях страны.

Тем не менее влияние Рене Декарта на умы последующих мыслителей было огромно. Его вклад в философию невозможно переоценить. Он заложил основание рационализма в новоевропейской философской традиции. Этому способствовали три обстоятельства: талант, стремление к познанию и время, в которое ему довелось жить.

С одной стороны, Декарт в своих натурфилософских рассуждениях во многом мыслил как средневековый ученый. В частности, он обосновывал научное знание о физических процессах не на основе эксперимента, как его современник Галилео Галилей, а на интуитивных догадках ума исключительно методом умозрения. С другой стороны, многие явления мира он осмыслил уже как человек новой эпохи, в том числе идею бесконечности мира. Мысль Декарта принадлежит двух разным эпохам, носит переходный характер и отвечает на вызов Нового времени. Этим вызовом стал неразрешимый вопрос, который до сих пор ставит в тупик. Каким образом можно убедиться в достоверности познания мира? Декарт считал жизненно значимым найти ответ на этот вопрос, для чего использовал метод радикального сомнения – усомниться во всем, в чем только можно, благодаря этому выявить несомненное и построить на нем прочное здание философии и науки.

Этот вопрос не стоял ни перед античными, ни перед средневековыми мыслителями. Он оформился четыре столетия назад и до сих пор ставит людей в тупик. Когда, например, они

смотрят фантастические фильмы, в которых мир оказывается порождением чьего-то сознания или виртуальной реальностью.

Начало эпохи Нового времени ознаменовано Великими географическими открытиями, революцией в науке, утверждением гелиоцентрической концепции, ориентацией науки на эксперимент, Реформацией и Тридцатилетней войной. В этот период в культурном сознании изменяется основополагающая познавательная установка, которая потом оформилась в философской идее познания как отражения реального мира в сознании человека. В античной и средневековой культурах человек не ставит под сомнение реальность мира, потому что изначально удостоверяет свое существование только внутри мира. Однако человек Нового времени изначально подтверждает свое существование внутри собственного сознания и уже на основе этого признает реальность окружающего мира. В результате возникает двойственность миропонимания, которую не могли представить люди более ранней эпохи: с одной стороны, мир существует сам по себе, с другой стороны, мир явлен человеку внутри его сознания, образуя внутреннюю вселенную человека – субъективность.

Рассмотрим идею познания как отражения на простом примере. Допустим, глаза улавливают отраженный от дерева свет и передают сигнал в мозг. В свою очередь, работа мозга порождает образ дерева в сознании. Человеку дан только внутренний мир его сознания – субъективность, поэтому он воспринимает не дерево само по себе, а образ дерева, отраженный в сознании. У античного человека не было представления о субъективности – внутреннем мире сознания, поэтому внешние вещи даны не в отражении, а сами, как они есть. Если человек видит дерево, то и воспринимает само дерево как таковое. Древнегреческие философы обособывали познание как восприятие самой реальности. Платон полагал, что умом можно видеть сущность вещи – ее идею. Эта идея воплощается в материи и в таком виде непосредственно воспринимается органами ощущений. Это означает, что видимый мир и есть реальный мир как таковой, поэтому усомниться в реальности мира ни Платон, ни какой-нибудь иной античный или средневековый философ не мог.

Во времена Декарта уже сложилось представление о внутреннем мире сознания, в котором отражается мир внешних вещей. Но если так, то как мы можем убедиться, что вещи именно такие, как выглядят в восприятии? Может быть, они порождены внушением или собственной фантазией, а весь окружающий мир – иллюзия? Кстати, современные нейрофизиологи подтверждают, что активность мозга при галлюцинации идентична активности при реальном восприятии объекта. Все образы, в которых мы воспринимаем мир, мозг может продуцировать самостоятельно.

В таком случае как можно убедиться, что окружающий меня мир не сон и не гипноз? Может быть, мы все живем в виртуальной реальности? Ее вторжение в жизнь современных людей привлекло внимание к этому вопросу, который обыгрывается в кино и в фантастической литературе. Однако Рене Декарт продумал его четыре сотни лет тому назад.

Тут может возникнуть недоумение. Если я могу знать мир лишь так, как он явлен мне в моем сознании, то какая разница, какой он сам по себе? И вот тут мы узнаем об особой жизненной направленности к подлинности, которая у одних людей почему-то обнаруживается, а у других – нет. Казалось бы, какая разница мужчине, любит ли его женщина или лишь имитирует эту любовь? Ведь можно всю жизнь прожить в счастливом неведении, и единственное, что этому мешает – стремление к подлинности, заставляющее задумываться, а как же на самом деле. Именно это стремление к подлинности и побуждало Декарта искать незыблемые основы достоверного познания мира. Ему было жизненно важно убедиться, что дело его жизни – познание мира, это не пустая игра воображения, и мир, в котором он живет и принимает ответственные решения, к чему-то стремится, и есть настоящий и подлинный. Однако Декарт понимал, насколько легко поставить под сомнение наше восприятие мира, поэтому философское обоснование надежного знания о нем стало его главной задачей.

Для решения этой задачи он прибегал к методическому сомнению – методу радикального сомнения. Допустим, как гипотетически предположил Декарт, некий злокозненный демон создает иллюзию реальности мира для меня, или, быть может, я в гипнозе, бреду, сновидении или виртуальной реальности, и вокруг только иллюзия, но даже в этом случае несомненно, что дважды два будет четыре. Можно усомниться в реальности мира, но невозможно усомниться в том, что треугольник ограничен тремя линиями.

В этом Декарт обнаруживал самоочевидные истины, которые называл «врожденными идеями». Термин неудачный, так как наталкивает на ошибочную мысль, будто у младенца с рождения уже есть какие-то идеи. Критикуя Декарта, Джон Локк писал, что сознание новорожденного подобно чистой доске, и никаких врожденных идей там быть не может. Эта критика несправедлива, поскольку Декарт не имел в виду, что идеи заложены в готовом виде с рождения. Речь о том, что человек приходит к идеям независимо от характера опыта. Например, он может и не изучать математику, но если приступит к изучению, то придет к истинам, которые ни от чего не зависят. Правильнее было бы назвать такие идеи не врожденными, а априорными.

Но это слово ввел в употребление Иммануил Кант, во времена Декарта его еще не использовали.

Врожденных идей много, но необходима одна особенная, которая позволила бы обосновать реальность познаваемого мира. Декарта озарило во время военного похода. Было холодно, негде укрыться, кругом сгоревшие дома, и лишь печки оставались целыми, сохраняя тепло после пожара. Дабы согреться, Декарт закрылся внутри одной такой печки, и там, в темноте и тишине, оказался наедине с собой, отрезанным от окружающего мира. Даже если бы мир и был иллюзией, есть самоочевидное, которое независимо от восприятия мира – это самоочевидность собственного мышления. Невозможно поставить под сомнение идею: мыслю, следовательно, существую (*cogito ergo sum*). Речь идет вовсе не о логическом выводе «если... то...», а о самоочевидности обнаружения собственного существования.

Эта самоочевидная истина не зависит ни от чего. Она априорна, то есть первична по отношению к эмпирической реальности. Спустя столетие Иммануил Кант совершит революционный переворот в философии – он сделает чистое от эмпирического опыта априорное сознание главным предметом изучения. Но открыл этот уровень сознания еще Декарт, когда осознал себя как мыслящий субъект, независимый от эмпирического опыта.

Исходя из идеи *cogito ergo sum*, Декарт обосновывал сначала существование Бога, а потом и мира. Именно в таком порядке, поскольку, как бы это ни показалось многим странным, но существование Бога обосновать проще. Если атеист отрицает Бога, остается какое-то поле для дискуссий с ним, возможность обсуждать те или иные доводы за или против позиции атеизма. Но если атеист переходит на позицию нигилиста, отрицающего существование мира, то поле для дискуссий резко сокращается.

Декарт выстраивал умозрительную цепочку рассуждений без опоры на эмпирический опыт, который все равно, как он считал, недостоверен. Поскольку я сомневаюсь, я существую. Но во мне есть идея совершенного существа, до которой я не могу сам додуматься, поскольку не обладаю совершенством. Следовательно, эта идея вложена в меня самим совершенным существом, то есть Богом.

На этой предпосылке обосновывается существование мира: Бог совершенен, потому не будет обманывать, создавая для человека иллюзию мира. Мир существует именно так, как его познает человек, иначе Бог не вкладывал бы в него уверенность в существовании творения. Мир познаваем, поскольку Бог вложил в разум человека те же законы, которые заложил в мироздание, а также наделил человеческий разум способностью исправлять ошибки в познании.

В дальнейшем при описании законов природы Декарт постоянно подчеркивал, что выводит их из самоочевидной идеи существования Бога. В основе средневековой картины мира лежала очевидность этого существования, и человек удостоверял истинность собственного

бытия на основе причастности бытию Бога. Для человека Нового времени первичной очевидностью являлся он сам, его собственное существование, которое удостоверяет бытие мира или бытие Бога. В своей радикальной критике познавательных способностей человека Декарт выступал как человек новой эпохи, однако в обоснованиях законов природы он апеллировал к тому, что очевидно для человека предшествующей эпохи. Это подчеркивает переходный характер мысли Декарта.

Данная философская позиция определила характер научного подхода Декарта. В современной науке можно выделить два подхода: либо ученый исходит из объяснения конкретных фактов, находит теоретические объяснения конкретным процессам, но не очень заботится об обобщающей теории, либо изначально выстраивает фундаментальную теорию, которая призвана обобщить все известные факты, и лишь затем проверяет ее наблюдениями и экспериментами. Первый подход связан с традицией эмпиризма, в соответствии с которым все знание мы берем из внешнего чувственного опыта. Второй подход – с традицией рационализма, согласно которому достоверность знания нельзя обосновать только на чувственном опыте, так как из наблюдаемой взаимосвязи не следует, что эта взаимосвязь носит необходимый, а не случайный характер. Поэтому обосновать необходимый характер всех природных процессов и явлений можно только на основе законов, которые удостоверяются разумом.

Декарт как основоположник европейской традиции рационализма начинал всякое научное исследование не с анализа отдельных природных явлений, а с объяснения общих законов природы, на основе которых он объяснял все мироздание в целом, и уже на основе этого переходил к исследованию конкретных явлений.

Понятие закона природы использовал еще Кеплер, а Галилей, хотя и открыл множество законов природы, почти не использовал этот термин. Так или иначе, именно Декарт первым сформулировал понятие закона природы в том понимании, каким до сих пор пользуется современная наука. При этом он приходил к основополагающей для всей философской традиции рационализма идее о том, что законы, по которым разум познает мир, соответствуют законам природы. Большинство ученых, не задумываясь, принимают эту идею на веру. Можно спросить физика или биолога: научные законы, которые мы открываем, соответствуют законам внешнего мира, или же они являются только условным способом его описания? Ученый может ответить, что эти законы мы удостоверяем на опыте.

На это можно привести много возражений. Во-первых, из наблюдаемых фактов не следует их необходимость, во-вторых, факты можно обобщить разными способами, и, наконец, в-третьих, может быть, сами факты искажаются при восприятии или же за них мы принимаем иллюзии сознания.

Но можно ли доказать, что законы познания соответствуют законам природы, и поэтому мир именно такой, как он выглядит в научном познании? Декарт честно попытался доказать это, однако убедительно для всех обосновать, что мир реален и законы разума соответствуют законам природы, невозможно в принципе. Декарт нашел обоснование, пусть и не убедительное для всех, но способное удовлетворить родственников ему по способу мышления людей.

Однако он прекрасно видел возможные возражения. Даже если Бог вкладывает в меня законы разума, как узнать, что я не извратил их подобно умалишенному, который живет в своем вымышленном мире?

Сложную идею легко извратить, но невозможно извратить предельно простую, не придав ей большую сложность. Следовательно, надежной защитой от заблуждений будет умение разлагать любые сложные объяснения на простые составляющие и приводить их в соответствие с очевидными истинами ума. Для этого Декарт разрабатывал правила для руководства ума: исходить из очевидно истинного, разлагать сложную проблему на составляющие ее простые, затем переходить от простых вещей к более сложным, максимально учитывая все факторы и ничего не пропуская. Таким образом, любая сложная задача сводится к набору простых.

Мир должен соответствовать простым и ясным законам разума, так как именно простота законов обеспечивает адекватность познания мира. Среди всех законов природы наиболее простыми для понимания являются механические, поэтому именно они лежат в основе более сложных законов. Декарт описывал все физические явления как столкновения движущихся масс в соответствии с тремя основными законами, в которых он предвосхитил законы классической механики Ньютона. При этом общее количество движения в мире остается неизменным с момента его сотворения. Законы природы универсальны и в равной степени действуют в любом месте и в любое время. В соответствии с ними мир мог существовать изначально и сколь угодно долго без всякого божественного вмешательства. При условии знания исходных условий можно точно определить развитие всех физических процессов по законам природы.

Казалось бы, такое понимание противоречит учению о сотворении мира, но Декарт и здесь нашел объяснение: Бог творит мир таким, каким этот мир мог бы существовать по законам природы всегда. Но почему тогда Бог, во власти которого создать любые миры и изменять истинность этических и математических законов, создает именно такой физический мир, в который практически не вмешивается? Но и на этот вопрос у Декарта есть ответ: законы мира соответствуют законам разума, поскольку именно в таком виде отражают совершенство Бога. Ведь для Декарта несомненность и самоочевидность для разума и есть признак совершенства, поэтому Бог творит именно такой мир, а не другой, т. е. самодостаточный в своем существовании и прозрачный для познания разумом.

С одной стороны, Декарт выступил как предтеча современной науки, но, с другой стороны, Декарт выстраивал теорию физического мира, опираясь на умозрение, а не на эксперимент. В этом аспекте он был ближе к средневековой науке, чем к естествознанию в современном понимании. Это проявлялось в том, с какой непринужденностью он создавал умозрительные объяснения физических процессов. В частности, Декарт выстраивает значительную часть своей теории на умозрительной предпосылке, согласно которой протяженность является свойством субстанции, а не пустого пространства. Соответственно пустота, по мнению Декарта, это ничто, которое само по себе не может иметь протяженности. Эта предпосылка берет начало еще в Античности. В соответствии с представлениями древних греков космос понимался как гармония телесных форм, в которой нет пустого места, при этом именно форма тел задавала их пространство, а не наоборот.

Например, если бы из кувшина выкачали всякую материю, то он, по мнению Декарта, схлопнулся бы, так как не может быть в пространстве пустого места. Следовательно, всякое место, из которого что-либо удалено, должно тут же заполняться другой материей. Поскольку протяженность – это свойство субстанции, то никакая субстанция не может расширяться в пространстве, а наблюдаемое расширение происходит за счет впитывания других субстанций подобно тому, как губка набухает, впитывая воду. Аналогично и тело движется таким образом, что оставленное им место тут же заполняется другими телами. Поскольку заполнение происходит непрерывно, то и материя должна быть непрерывной, что исключает существование атомов. Из этих умозрительных рассуждений Декарт делал вывод, что материя делима до бесконечности, и на разных ступенях процесса своего дробления она образует твердые тела, воздух, звезды и межзвездное пространство.

Некоторые основанные на умозрении выводы Декарта современные ученые посчитали бы совсем уж наивными. Например, то, что материя Солнца очень подвижна подобно материи пламени, однако в отличие от пламени Солнце не нуждается в питании. Для современной физики такие умозрительные построения неприемлемы, а современная модель ядерных реакций на Солнце получена путем не умозрения, а обобщения наблюдаемых процессов. Хотя и тут не все так однозначно: в середине XX века физик Николай Козырев выдвинул не признанную современным научным сообществом, но очень интересную теорию о том, что Солнце светит не за счет внутренних процессов горения, а за счет действия, вызванного особым свойством

времени, которое он постулировал. Поэтому умозрительный декартовский подход в физике хоть и не является сейчас основным, тем не менее может оказаться плодотворным на стадии формирования научных гипотез, расширяя горизонты научного творчества.

Поскольку Декарт выводил строение мироздания дедуктивным путем из умозрительной предпосылки, а не из экспериментальных данных, то многим современным физикам такой подход будет казаться произвольным, однако он вполне приемлем в теоретических науках – прежде всего, в математике и отчасти в фундаментальной физике.

Умозрительный подход позволял Декарту свести все сложные законы мира к простым механическим. Это давало философу уверенность в адекватности познания мира, но привело его к позиции механицизма, уподобляющей мир часовому устройству. Такое упрощение понимания сложных явлений привело к новому неразрешимому противоречию. Ведь если тело человека подчинено законам физического мира, то как тогда обосновать свободу воли, которая управляет телом? Если же разум управляет телом в полном соответствии с законами физического мира, то свободе воли вовсе не остается места. Поэтому продолжатели традиции рационализма Бенедикт Спиноза и Готфрид Вильгельм Лейбниц вовсе отказались от идеи свободы воли.

Рене Декарт, однако, не отказывался от этой идеи и пытался объяснить, каким образом воля может управлять телом. Ведь тело, считал он, принадлежит материальной субстанции, основным свойством которой является протяженность. Все процессы в такой субстанции определяются законами движения и столкновения и не подразумевают свободную волю, которая принадлежит идеальной субстанции. Таким образом, всего в мире только две субстанции, и человек складывается из обеих.

Современная наука позволяет описать движение руки более сложным образом, чем у Декарта: как сложную биохимическую реакцию, вызывающую сокращение мышц. Но суть от этого не меняется. В любом случае каждый физиологический процесс в теле человека предопределен предшествующим процессом, и в этой цепочке причинно-следственных отношений нет места для свободы воли. Причем мозг такой же материальный объект, как и все тело, и также обусловлен биохимическими реакциями, поэтому сам не может воспроизвести действие свободной воли. В самосознании же человек ясно чувствует, что сам свободно управляет рукой.

Таким образом, современная наука не может объяснить, каким образом человек может управлять телом по своей свободной воле. Ведь сколько бы мы ни исследовали физиологию мозга и нервной системы, признаков свободной воли никогда не найдем. Это вынуждает современных нейрофизиологов признать свободную волю иллюзией, которую формирует мозг.

Однако Декарт пытался решить противоречие между осознанием собственной свободной воли и физиологической обусловленностью всех процессов в теле. Он описывал аффекты как телесные состояния и разрабатывал теорию рефлекса, объясняющую работу тела без вмешательства души, что дало толчок развитию физиологии. Кроме того, он ввел закон сохранения движения: акт сознания человека не может создать нового телесного импульса, но может перенаправить уже имеющиеся импульсы в новое русло. Когда импульсы движения в руке пребывают в равновесии, рука покоится, когда получают команду изменить направление, рука приходит в движение, но количество импульсов от этого не меняется.

Животных Декарт уподоблял механизмам без души и потому применительно к ним не видел никакого противоречия в таком объяснении. Все было бы намного проще, если бы и человека можно было бы описать как подобный механизм. Однако человек обладает самосознанием и способен сам своей свободной волей управлять собой, а это обстоятельство выходит за границы физиологического объяснения.

Но даже при таком объяснении остается непонятным, как сознание, которое по своей природе вне пространства, дает команды материальному телу? Декарт не мог представить на

это философский ответ и поэтому обошелся медицинским пояснением. Он указал на эпифиз – шишковидную железу в мозгу человека, которая и перераспределяет команды сознания в импульсы, передающиеся по нервной системе. Философский ответ Декарт дать не смог, потому что при такой постановке вопроса ответ в принципе невозможен.

Данная проблема оказалась неразрешимой не только для Декарта, но и для современной науки, которая исключает само понятие свободы как ненаучное. Ведь наука изучает не все, а только то, что подчиняется определенным закономерностям, которые может удостоверить независимый наблюдатель, в то время как свобода воли, напротив, входит за пределы наблюдаемых закономерностей. Однако эту проблему смог решить Иммануил Кант через полторы сотни лет после того, как ее поставил Декарт. Кант обосновал, что в эмпирическом мире (области, которую мы постигаем органами ощущений) все подчинено закономерностям. Однако человек может обнаружить априорное в самосознании. Априорный уровень сознания первичен по отношению к эмпирическому миру и не зависит ни от чего, что в потоке времени. Именно благодаря тому, что этические принципы априорны, человек способен на нравственные поступки независимо от внешних эмпирических обстоятельств. Если человек руководствуется в своих действиях не внешними обстоятельствами, а априорными принципами, то он становится свободен от внешних обстоятельств и царящих там закономерностях.

Ошибка Декарта заключалась в том, что он пытался согласовать свободу воли и физиологические закономерности, которым подчинен процесс в теле, на эмпирическом уровне, а это принципиально невозможно. И поскольку всякая наука изучает человека с эмпирической позиции в качестве внешнего чувственно данного объекта, то она принципиально не может обнаружить свободу воли, сколь бы долго ни развивалась. Свобода воли обнаруживается в самосознании только на априорном уровне, который первичен по отношению к внешнему миру.

Заслуга Декарта в том, что он выявил противоречие между свободой и необходимостью, и, хотя он не имел теоретических средств его разрешить, тем не менее не стал избегать этой проблемы, а честно показал все трудности, с которыми столкнулся. В этом проявилась особая черта характера Декарта – честность, которая сопровождала его стремление к познанию.

Рене Декарт стоял у истоков новой эпохи, его философия несла переходный характер.

Его научное объяснение мира базируется на умозрительных допущениях, которые не проверяемы эмпирически. В частности, заполненность мира материальной субстанцией, которая в постоянном движении и бесконечно дробится, из осколков которой образуются звезды и небеса.

В то же время Декарт во многом проявляет себя как ученый в современном понимании этого слова. Он сформулировал понятие научного закона, предложил законы движения, которые согласуются с классической механикой, оперировал идеей бесконечности мира, представил эволюционное понимание физического мира, разработал современную математическую символику и т. д. Но главное, он поставил основной вопрос, который определил дальнейшее развитие европейской философии – вопрос о познаваемости мира, – и решал этот вопрос как философ Нового времени – методом радикализации сомнения.

* * *

Особо следует сказать о произведениях французского мыслителя. Декарту довелось жить в эпоху революции, происходящей в умах и в науке. Отказ от старых представлений, основанных на авторитете и общепризнанных умопостигаемых истинах, угрожал потерей опоры в поиске надежного знания. Для Декарта жизненно важно было убедиться, что его стремление к познанию не сводится к пустой игре ума и поэтому любое научное знание можно обосновать на очевидных для ума истинных предпосылках. Но для этого был необходим метод, который при опоре на фундамент твердых и очевидных истин позволил бы распутать любой запутан-

ный клубок вопросов. С этой целью Декарт пишет методологический трактат «Правила для руководства ума», в котором методы познания сводятся к исходным простым правилам. Время начала работы над трактатом точно неизвестно, а сам трактат так и остался незавершенным, но главную свою мысль Декарт в нем выразил. В 1628 году или в самом начале 1629 года трактат приобретает тот окончательный вид, в котором он известен сейчас.

Творчество Декарта совпало по времени с разгоревшейся в науке борьбой между сторонниками коперниканской и птолемеевской концепций, в который активно вмешалась церковь. Свою программную научную книгу «Мир, или Трактат о свете» Декарт заканчивает в 1634 году. В ней он изложил свои идеи о физическом устройстве мира и обосновал механику движения планет вокруг Солнца. Декарт полагал, что все основания его философии ведут к подтверждению убеждения Галилея о движении Земли, но узнав об осуждении Галилея за концепцию вращения Земли вокруг Солнца, не решился публиковать книгу, которая вышла лишь после его смерти в 1664 году. Он был потрясен осуждением Галилея, но тем важнее для него стал поиск несомненных основ всякого знания, на которых можно было бы обосновать законы науки. Эту задачу он решает в последующих философских трактатах: «Рассуждение о методе...» (1637), «Размышления о первой философии...» (1641) и «Первоначала философии» (1644), в которых не только излагает целостную систему философии, но и раскрывает результаты своих научных изысканий.

Философский трактат «Рассуждение о методе, чтобы хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках» был опубликован Рене Декартом в 1637 году в нидерландском городе Лейдене, вместе с его научными трактатами из его книги «Мир» – «Диоптрика», «Метеоры» и «Геометрия», в которых он демонстрирует применение своего метода познания в конкретных науках. Трактат в сжатой форме дает систематизированное представление обо всей философии Декарта. Сначала он поясняет исходные предпосылки с позиции здравого смысла, затем раскрывает основные правила метода познания, обосновывает правила морали, приводит доводы, которые его убеждают в существовании Бога и бессмертии души, далее переходит к анализу научных проблем физики и физиологии. Однако особенно интересно то, что в этом трактате Рене Декарт описывает свое личное отношение к философским вопросам и объясняет, как он сам приходит к ответам на протяжении жизни. Этой личностной формой изложения трактат отличается от других произведений Декарта, и таким образом раскрывает перед нами жизненный опыт философа, который выражается в его философской системе. Благодаря этому становится возможным понять не только систему взглядов, но прежде всего саму личность автора, а через нее и эпоху, в которой он жил.

У каждого философа свое видение и свой подход, поэтому даже самые простые его мысли невозможно понять вне контекста, а его задает целостный взгляд философа на мир или на главную проблему, которая его волнует. В случае Декарта ключевым произведением будут его «Первоначала философии», где и раскрыт такой целостный взгляд. В этой книге Декарт стремится заложить фундамент универсальной науки, основанной на новых философских принципах, берущих начало в естественном разуме. Работу над книгой «Первоначала философии» Рене Декарт начал в 1641 году. Она была написана на латыни и опубликована в 1644 году, а ее французская версия – в 1647 году. Книга состоит из четырех частей: «Об основах человеческого познания», «О началах материальных вещей», «О видимом мире», «О земле», и дает целостное представление об идеях, более подробно изложенных в других ранних произведениях.

Первая часть в тезисной форме знакомит читателя с содержанием его основополагающего философского трактата «Размышления о первой философии» (1640). В этом трактате Декарт формулирует принцип методического сомнения, который приводит мыслящего человека к идее несомненности его собственного сознания и умозаключению «я мыслю, следовательно, я существую». На основе этого он выводит существование Бога, познаваемость мира

и свое учение о дуализме души и тела. После окончания работы над «Размышлениями о первой философии» в 1641 году Декарт начинает работу над трактатом «Первоначала философии». Его целью было дать строгие философские основы познания. Декарт раскрывает предпосылки, из которых должно выводиться знание как таковое, и на этих предпосылках сводит в единую систему учение о познании и знания о мире. Для этого он использует метод радикального сомнения. Эмпирическое знание, полученное посредством органов ощущений, недостоверно, поэтому Декарт обращается к разуму, выявляет самоочевидные истины, не зависящие от эмпирического опыта, и методом дедукции выводит из них надежное знание. Если в первой части трактата он возвращается к идеям книги «Размышления о первой философии», то при дальнейшем систематическом изложении своей философии он вновь обращается к вопросам физики, составлявшим основное содержание его книги «Мир» (1634), которую в свое время не решился издать при жизни.

Таким образом, предлагаемые вниманию трактаты «Рассуждение о методе, чтобы хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках» (1637), «Правила для руководства ума» (1628–1629) и «Первоначала философии» (1644) все вместе дают целостное представление как о личности Декарта, так и о его научных и философских воззрениях.

Николай Карницкий

Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках

Если рассуждение это покажется слишком длинным для прочтения за один раз, то его можно разделить на шесть частей. В первой окажутся различные соображения относительно наук; во второй – основные правила метода, найденного автором; в третьей – некоторые из правил морали, извлеченных автором из этого метода; в четвертой – доводы, с помощью коих он доказывает существование Бога и человеческой души, которые составляют основание его метафизики; в пятой можно будет найти последовательность вопросов физики, какие он рассмотрел, и в частности объяснение движения сердца и рассмотрение некоторых других трудных вопросов, относящихся к медицине, а также различие, существующее между нашей душой и душой животных; и в последней – указание на то, что, по мнению автора, необходимо для того, чтобы продвинуться в исследовании природы дальше, чем это удалось ему, а также объяснение соображений, побудивших его писать.

Часть первая

Соображения, касающиеся наук

Трактат начинается с объяснения исходной предпосылки декартовских размышлений – здравого смысла. Эта предпосылка процесса философствования пока еще носит слишком неопределенный интуитивный характер, чтобы стать основанием философской системы. Но, руководствуясь здравомыслием, он приходит к ней в дальнейшем рассуждении. Необходимо различать философствование как процесс осмысления своего места в жизни, с чего и начинает Рене Декарт, и философию как теоретическую систему – саму декартовскую философию, которая существует по сей день. В первой части трактата особенно интересен рассказ Декарта о том, как он на основе своего личного жизненного опыта постепенно приходит к основным предпосылкам своей философии.

Здравомыслие (*bon sens*) есть вещь, распределенная справедливее всего; каждый считает себя настолько им наделенным, что даже те, кого всего труднее удовлетворить в каком-либо другом отношении, обыкновенно не стремятся иметь здравого смысла больше, чем у них есть. При этом невероятно, чтобы все заблуждались. Это свидетельствует скорее о том, что способность правильно рассуждать и отличать истину от заблуждения – что, собственно, и составляет, как принято выражаться, здравомыслие, или разум (*raison*), – от природы одинакова у всех людей, а также о том, что различие наших мнений происходит не от того, что один разумнее других, а только оттого, что мы направляем наши мысли различными путями и рассматриваем не одни и те же вещи. Ибо недостаточно просто иметь хороший ум (*esprit*), но главное – это хорошо применять его. Самая великая душа способна как к величайшим порокам, так и к величайшим добродетелям, и те, кто идет очень медленно, могут, всегда следуя прямым путем, продвинуться значительно дальше того, кто бежит и удаляется от этого пути.

То, что люди интеллектуально очень различаются и далеко не все проявляют здравомыслие – это наблюдаемый факт, и тем не менее Декарт утверждает, что здравомыслие от природы одинаково у всех. Дело в том, что Декарт не эмпирик, а рационалист. Если эмпирики полагали, что первично чувственное, то есть эмпирическое знание, то рационалисты, напротив, считали, что первично умственное знание, поскольку именно в уме мы находим критерии истины, удостоверяющие знание, полученное органами чувств. Но как можно доверять умственному познанию, если оно зависит от индивидуальных способностей того или иного человека? Однако если в основе умственного знания лежит логика, которая безотносительна к индивидуальным способностям, то тогда основанное на ней здравомыслие должно быть в равной степени присуще каждому человеку. Тогда неразумность можно объяснить неумением пользоваться разумом и правильно направлять мысли. Из этого вытекает задача философии – научить человека правильно пользоваться своим умом.

Что касается меня, то я никогда не считал свой ум более совершенным, чем у других, и часто даже желал иметь столь быструю мысль, или столь ясное и отчетливое воображение, или такую обширную и надежную память, как у некоторых других. Иных качеств, которые требовались бы для совершенства ума, кроме названных, указать не могу; что же касается разума, или здравого смысла, то, поскольку это единственная вещь, делающая нас людьми и отличающая нас от животных, то я хочу верить, что он полностью наличествует в каждом, следуя при этом общему мнению философов, которые говорят, что количественное различие может быть

только между *случайными свойствами*, а не между *формами*, или *природами*, *индивидуумов* одного *рода*.

Дабы видеть границы собственных умственных способностей, нужна философская рефлексия. Применяв ее, Декарт обнаруживает собственную ограниченность. Но за признанием, что он не считает свой ум более совершенным, чем у других, стоит философская убежденность в том, что разум устроен по таким законам, которыми в равной степени могут пользоваться все люди независимо от своих природных данных. Разум – это общее, что люди находят в себе, но, чтобы его раскрыть, нужен особый метод познания. Для тех, кто будет правильно совершенствоваться посредством этого метода, случайные различия в их индивидуальных способностях потеряют какое-либо значение.

Однако не побоюсь сказать, что, по моему мнению, я имел счастье с юности ступить на такие пути, которые привели меня к соображениям и правилам, позволившим мне составить метод, с помощью которого я могу, как мне кажется, постепенно усовершенствовать мои знания и довести их мало-помалу до высшей степени, которой позволяет достигнуть посредственность моего ума и краткий срок жизни. С помощью этого метода я собрал уже многие плоды, хотя в суждении о самом себе стараюсь склоняться более к недоверию, чем к сомнению. И хотя, рассматривая взором философа различные действия и предприятия людей, я не могу найти почти ни одного, которое не казалось бы мне суетным и бесполезным, однако я не могу не чувствовать особого удовлетворения по поводу успехов, какие, по моему мнению, я уже сделал в отыскании истины, и на будущее питаю надежды и даже осмеливаюсь думать, что если между чисто человеческими занятиями есть действительно хорошее и важное, так это именно то, которое я избрал.

Впрочем, возможно, что я ошибаюсь, и то, что принимаю за золото и алмаз, не более чем крупницы меди и стекла. Я знаю, как мы подвержены ошибкам во всем, что нас касается, и как недоверчиво должны мы относиться к суждениям друзей, когда они высказываются в нашу пользу. Но мне очень хотелось бы показать в этом рассуждении, какими путями я следовал, и изобразить свою жизнь, как на картине, чтобы каждый мог составить свое суждение и чтобы я, узнав из молвы мнения о ней, обрел бы новое средство самообучения и присоединил бы его к тем, которыми обычно я пользуюсь.

Таким образом, мое намерение состоит не в том, чтобы научить здесь методу, которому каждый должен следовать, чтобы верно направлять свой разум, а только в том, чтобы показать, каким образом старался я направить свой собственный разум. Кто берется давать наставления другим, должен считать себя искуснее тех, кого наставляет, и если он хоть в малейшем окажется несостоятельным, то подлежит порицанию. Но, предлагая настоящее сочинение только как рассказ или, если угодно, как вымысел, где среди примеров, достойных подражания, вы, может быть, найдете такие, которым не надо следовать, я надеюсь, что оно для кого-нибудь окажется полезным, не повредив при этом никому, и что все будут благодарны за мою откровенность.

Хороший учитель не тот, кто дает ответы, а тот, кто учит тому, как их получать. Однако Декарт считает нескромным давать наставления, и демонстрирует на собственном примере, как он совершенствуется в познании, используя метод, который любой другой человек может так же использовать и прийти к тем же результатам.

Я с детства был вскормлен науками, и так как меня уверили, что с их помощью можно приобрести ясное и надежное познание всего полезного для жизни, то у меня было чрезвычайно большое желание изучить эти науки. Но как только я окончил курс учения, завершае-

мый обычно принятием в ряды ученых, я совершенно переменял свое мнение, ибо так запутался в сомнениях и заблуждениях, что, казалось, своими стараниями в учении достиг лишь одного: все более и более убеждался в своем незнании. А между тем я учился в одной из самых известных школ в Европе и полагал, что если есть на земле где-нибудь ученые люди, то именно там они и должны быть. Я изучал там всё, что изучали другие, и, не довольствуясь сообщаемыми сведениями, пробегал все попадавшиеся мне под руку книги, где трактуется о наиболее редкостных и любопытнейших науках. Вместе с тем я знал, что думают обо мне другие, и не замечал, чтобы меня считали ниже моих соучеников, среди которых были и те, кто предназначался к занятию мест наших наставников. Наконец, наш век казался мне цветущим и богатым высокими умами не менее какого-либо из предшествующих веков. Все это дало мне смелость судить по себе о других и думать, что такой науки, какой меня вначале обнадеживали, в мире нет.

Разочарование в надежде получить прочное знание побудило Декарта к созданию науки о методе познания. Далее он описывает опыт изучения разных наук, который так и не принес ему удовлетворения. Если бы на месте Декарта был античный философ, то, запутавшись в разных мнениях, он искал бы выход в знании того, как устроено бытие человека и мира. Но Декарт – человек новой эпохи, он начинает искать ответ в том, как устроено познание. Поэтому его учение о методе – переход от античных философов, усматривавших истину в бытии идей или мирового разума, к Иммануилу Канту, искавшему ответы в принципах, которые лежат в основе познания и не зависят от эмпирического мира.

Но все же я весьма ценил упражнения, которыми занимаются в школах. Я знал, что изучаемые там языки необходимы для понимания сочинений древних; что прелесть вымыслов оживляет ум; что памятные исторические деяния его возвышают и что знакомство с ними в разумных пределах развивает способность суждения; что чтение хороших книг является как бы беседой с их авторами – наиболее достойными людьми прошлых веков, и при этом беседа содержательной, в которой авторы раскрывают лучшие из своих мыслей; что красноречие обладает несравненной силой и красотой, поэзия полна пленительного изящества и нежности; что математика доставляет искуснейшие изобретения, не только способные удовлетворить любознательных, облегчить ремесла и сократить труд людей; что сочинения, трактующие о нравственности, содержат множество указаний и поучений, очень полезных и склоняющих к добродетели; что богословие учит, как достичь небес; что философия дает средство говорить правдоподобно о всевозможных вещах и удивлять малосведущих; что юриспруденция, медицина и другие науки приносят почести и богатство тем, кто ими занимается, и что, наконец, полезно ознакомиться со всякими отраслями знания, даже с теми, которые наиболее полны суеверий и заблуждений, чтобы определить их истинную цену и не быть ими обманутыми.

Но я полагал, что достаточно уже посвятил времени языкам, а также чтению древних книг с их историями и вымыслами, ибо беседовать с писателями других веков – то же, что путешествовать. Полезно в известной мере познакомиться с нравами разных народов, чтобы более здраво судить о наших и не считать смешным и неразумным все то, что не совпадает с нашими обычаями, как нередко делают люди, ничего не видевшие. Но кто тратит слишком много времени на путешествия, может в конце концов стать чужим своей стране, а кто слишком интересуется делами прошлых веков, обыкновенно сам становится несведущим в том, что происходит в его время. Кроме того, сказки представляют возможными такие события, которые в действительности невозможны. И даже в самых достоверных исторических описаниях, где значение событий не преувеличивается и не представляется в ложном свете, чтобы сделать эти описания более заслуживающими чтения, авторы почти всегда опускают низменное

и менее достойное славы, и от этого и остальное предстает не таким, как было. Поэтому те, кто соотносит свою нравственность с такими образцами, могут легко впасть в сумасбродство рыцарей наших романов и замышлять дела, превышающие их силы.

Я высоко ценил красноречие и был влюблен в поэзию, но полагал, что то и другое являются более дарованием ума, чем плодом учения. Те, кто сильнее в рассуждениях и кто лучше оттачивает свои мысли, так что они становятся ясными и понятными, всегда лучше, чем другие, могут убедить в том, что они предлагают, даже если бы они говорили по-нижнебретонски и никогда не учились риторике. А те, кто способен к самым приятным вымыслам и может весьма нежно и красочно изъясняться, будут лучшими поэтами, хотя бы искусство поэзии было им незнакомо.

Особенно нравилась мне математика из-за достоверности и очевидности своих доводов, но я еще не видел ее истинного применения, а полагал, что она служит только ремеслам, и дивился тому, что на столь прочном и крепком фундаменте не воздвигнуто чего-либо более возвышенного. Наоборот, сочинения древних язычников, трактующие о нравственности, я сравниваю с пышными и величественными дворцами, построенными на песке и грязи. Они превозносят добродетели и побуждают дорожить ими превыше всего на свете, но недостаточно научают распознавать их, и часто то, что они называют этим прекрасным именем, оказывается не чем иным, как бесчувственностью, или гордостью, или отчаянием, или отцеубийством.

Я почитал наше богословие и не менее, чем кто-либо, надеялся обрести путь на небеса. Но, узнав как вещь вполне достоверную, что путь этот открыт одинаково как для несведущих, так и для ученых и что полученные путем откровения истины, которые туда ведут, выше нашего разума, я не осмеливался подвергать их моему слабому рассуждению и полагал, что для их успешного исследования надо получить особую помощь свыше и быть более чем человеком.

О философии скажу одно: видя, что в течение многих веков она разрабатывается превосходнейшими умами и, несмотря на это, в ней донныне нет положения, которое не служило бы предметом споров и, следовательно, не было бы сомнительным, я не нашел в себе такой самонадеянности, чтобы рассчитывать на больший успех, чем другие. И, принимая во внимание, сколько относительно одного и того же предмета может быть разных мнений, поддерживаемых учеными людьми, тогда как истинным среди этих мнений может быть только одно, я стал считать ложным почти все, что было не более чем правдоподобным.

По мнению Декарта, истина может быть только одна, всякое альтернативное суждение по отношению к ней – ложь. Поиск единственно правильного понимания был характерен для европейской культуры, и только не так давно люди начали понимать, что мир сложнее, чем они могут представить, и его нельзя описать в одной единственно правильной системе. Однако на заре европейской науки ученые и философы ставили именно такую задачу, которая совпадала с личным убеждением Декарта о том, что истина должна сводиться к такой простоте понимания, при которой не может быть двух разных истин. Многообразие различных концепций и представлений в истории философии подвигло Декарта к критическому пересмотру уже накопленного знания и к поиску простой и самоочевидной основы, на которой можно выстроить надежное здание философии и науки.

Далее, что касается других наук, то, поскольку они заимствуют свои принципы из философии, я полагал, что на столь слабых основаниях нельзя построить ничего прочного. Мне недостаточно было почестей и выгод, чтобы посвятить себя их изучению. Слава Богу, я не был в таком положении, чтобы делать из науки ремесло для обеспечения своего благосостояния. И хотя я не считал себя обязанным презирать славу, как это делают киники, однако я мало ценил

ту славу, которую мог бы приобрести незаслуженно. Наконец, что касается ложных учений, то я достаточно знал им цену, чтобы не быть обманутым ни обещаниями какого-нибудь алхимика, ни предсказаниями астролога, ни проделками мага, ни всякими хитростями или хвастовством тех, что выдают себя за людей, знающих более того, что им действительно известно.

Вот почему, как только возраст позволил мне выйти из подчинения моим наставникам, я совсем оставил книжные занятия и решил искать только ту науку, которую мог обрести в самом себе или же в великой книге мира, и употребил остаток моей юности на то, чтобы путешествовать, видеть дворы и армии, встречаться с людьми разных нравов и положений и собрать разнообразный опыт, испытав себя во встречах, которые пошлет судьба, и всюду размышлять над встречающимися предметами так, чтобы извлечь какую-нибудь пользу из таких занятий. Ибо мне казалось, что я могу встретить более истины в рассуждениях каждого, касающихся непосредственно интересующих его дел, исход которых немедленно накажет его, если он неправильно рассудил, чем в кабинетных умозрениях образованного человека, не завершающихся действием и имеющих для него, может быть, единственное последствие, а именно: он тем больше тщеславится ими, чем дальше они от здравого смысла, так как в этом случае ему приходится потратить больше ума и искусства, чтобы попытаться сделать их правдоподобными. Я же всегда имел величайшее желание научиться различать истинное от ложного, чтобы лучше разбираться в своих действиях и уверенно двигаться в этой жизни.

Правда, в то время, когда я только наблюдал нравы других людей, я не находил в них ничего, на что мог бы опереться, так как заметил здесь такое же разнообразие, какое ранее усмотрел в мнениях философов. Самая большая польза, полученная мною, состояла в том, что я научился не особенно верить тому, что мне было внушено только посредством примера и обычая, так как видел, как многое из того, что представляется нам смешным и странным, оказывается общепринятым и одобряемым у других великих народов. Так я мало-помалу освободился от многих ошибок, которые могут заслонить естественный свет и сделать нас менее способными внимать голосу разума. После того как я употребил несколько лет на такое изучение книги мира и попытался приобрести некоторый запас опыта, я принял в один день решение изучить самого себя и употребить все силы ума, чтобы выбрать пути, которым я должен следовать. Это, кажется, удалось мне в большей степени, чем если бы я никогда не удалялся из моего отечества и от моих книг.

Знакомство с разными науками не принесло Декарту удовлетворения, поскольку он надеялся достичь ясности и определенности миропонимания, а вместо этого столкнулся с разнообразием мнений. Однако это знакомство научило философа относиться критически ко всякому знанию, что приведет его к формулировке принципа методического сомнения как отправной точке поиска истины.

Часть вторая

Основные правила метода

Во второй части своего трактата Рене Декарт рассказывает, как он пришел к своему методу познания. Начинается рассказ с воспоминаний о том, как он предается размышлениям, возвращаясь в армию с места проведения коронации императора. Он имеет в виду коронацию 9 сентября 1619 года Фердинанда II, императора Священной Римской империи, который правил с 28 августа 1619 года до своей смерти. Фердинанд II (9 июля 1578 г. – 15 февраля 1637 г.), представитель династии Габсбургов, также был эрцгерцогом Австрии, королем Богемии и королем Венгрии. Весь период его правления пришелся на Тридцатилетнюю войну, которая продолжалась с 1618 по 1648 год, затронув почти всю Западную Европу. И хотя перед этим Декарт воевал в Нидерландах на стороне протестантов против католиков, в Германии он поступил на военную службу на стороне католиков и участвовал в битве за Прагу.

Я находился тогда в Германии, где оказался призванным в связи с войной, не кончившейся там и доныне. Когда я возвращался с коронации императора в армию, начавшаяся зима остановила меня на одной из стоянок, где, лишенный развлекающих меня собеседников и, кроме того, не тревожимый, по счастью, никакими заботами и страстями, я оставался целый день один в теплой комнате, имея полный досуг предаваться размышлениям. Среди них первым было соображение о том, что часто творение, составленное из многих частей и сделанное руками многих мастеров, не столь совершенно, как творение, над которым трудился один человек. Так, мы видим, что здания, задуманные и исполненные одним архитектором, обыкновенно красивее и лучше устроены, чем те, в переделке которых принимали участие многие, пользуясь старыми стенами, построенными для других целей. Точно так же старинные города, разрастаясь с течением времени из небольших посадов и становясь большими городами, обычно столь плохо распланированы по сравнению с городами-крепостями, построенными на равнине по замыслу одного инженера, что, хотя, рассматривая эти здания по отдельности, нередко находишь в них никак не меньше искусства, нежели в зданиях крепостей, однако при виде того, как они расположены – здесь маленькое здание, там большое – и как улицы от них становятся искривленными и неравными по длине, можно подумать, что это скорее дело случая, чем разумной воли людей. А если иметь в виду, что тем не менее всегда были должностные лица, обязанные заботиться о том, чтобы частные постройки служили и украшению города, то станет ясным, как нелегко создать что-либо совершенное, имея дело только с чужим творением. Подобным образом я представил себе, что народы, бывшие прежде в полудиком состоянии и лишь постепенно цивилизовавшиеся и учреждавшие свои законы только по мере того как бедствия от совершаемых преступлений и возникавшие жалобы принуждали их к этому, не могут иметь такие же хорошие гражданские порядки, как те, которые соблюдают установления какого-нибудь мудрого законодателя с самого начала своего объединения. Так же очевидно, что истинная религия, заповеди которой установлены самим Богом, должна быть несравненно лучше устроена, чем какая-либо другая. Если же говорить о людских делах, то я полагаю, что Спарта была некогда в столь цветущем состоянии не оттого, что законы ее были хороши каждый в отдельности, ибо некоторые из них были очень странны и даже противоречили добрым нравам, но потому, что все они, будучи составлены одним человеком, направлялись к одной цели. Подобным образом мне пришло в голову, что и науки, заключенные в книгах, по крайней мере те, которые лишены доказательств и доводы которых лишь вероятны, сложившись и малопомалу разросшись из мнений множества разных лиц, не так близки к истине, как простые рассуждения здравомыслящего человека относительно встречающихся ему вещей. К тому же, думал я, так как все мы были детьми, прежде чем стать взрослыми, и долгое время нами руко-

водили наши желания и наши наставники, часто противоречившие одни другим и, возможно, не всегда советовавшие нам лучшее, то почти невозможно, чтобы суждения наши были так же чисты и основательны, какими бы они были, если бы мы пользовались нашим разумом во всей полноте с самого рождения и руководствовались всегда только им.

Руководствуясь здравым смыслом, Декарт приходит к выводу, что раскрыть возможности своей разумной природы проще одному человеку, чем многим спорящим друг с другом людям, ибо последовательный ход мысли одного человека скорее приведет к единой истине, чем столкновение разноречивых мнений разных людей.

Правда, мы не наблюдаем того, чтобы разрушали все дома в городе с единственной целью переделать их и сделать улицы красивее; но мы видим, что многие ломают свои собственные дома, чтобы их перестроить, а иногда и вынуждены это сделать, если фундамент их непрочен и дома могут обрушиться. На этом примере я убедился, что вряд ли разумно отдельному человеку замысливать переустройство государства, изменяя и переворачивая все до основания, чтобы вновь его восстановить, либо затевать преобразование всей совокупности наук или порядка, установленного в школах для их преподавания. Однако, что касается взглядов, воспринятых мною до того времени, я не мог предпринять ничего лучшего, как избавиться от них раз и навсегда, чтобы заменить их потом лучшими или теми же, но согласованными с требованиями разума. И я твердо уверовал, что этим способом мне удастся прожить свою жизнь гораздо лучше, чем если бы я строил ее только на прежних основаниях и опирался только на те начала, которые воспринял в юности, никогда не подвергая сомнению их истинность. Ибо, хотя я и предвидел в этом разные трудности, они вовсе не были неустранимыми и их нельзя было сравнивать с теми, которые обнаруживаются при малейших преобразованиях, касающихся общественных дел. Эти громады слишком трудно восстанавливать, если они рухнули, трудно даже удержать их от падения, если они расшатаны, и падение их сокрушительно. Далее, что касается их несовершенств, если таковые имеются, – в том, что они существуют, нетрудно убедиться по их разнообразию, – то привычка, без сомнения, сильно сгладила их и позволила безболезненно устранить и исправить многое, что нельзя было предусмотреть заранее ни при каком благоразумии. Наконец, почти всегда их несовершенства легче переносятся, чем их перемены. Так, большие дороги, извивающиеся между гор, из-за частой езды малопомалу становятся настолько гладкими и удобными, что гораздо лучше следовать по ним, чем идти более прямым путем, карабкаясь по скалам и спускаясь в пропасти.

Поэтому я никоим образом не одобряю беспокойного и вздорного нрава тех, кто, не будучи призван ни по рождению, ни по состоянию к управлению общественными делами, неутомимо тщится измыслить какие-нибудь новые преобразования. И если бы я мог подумать, что в этом сочинении есть хоть что-нибудь, на основании чего меня можно подозревать в этом сумасбродстве, я очень огорчился бы, что опубликовал его. Мое намерение никогда не простиралось дальше того, чтобы преобразовывать мои собственные мысли и строить на участке, целиком мне принадлежащем. Из того, что мое произведение мне настолько понравилось, что я решился показать здесь его образец, не следует, что я хотел посоветовать кому-либо ему подражать. У тех, кого Бог наделил своими милостями больше, чем меня, возможно, будут более возвышенные намерения; но я боюсь, не было бы и мое уж слишком смелым для многих. Само решение освободиться от всех принятых на веру мнений не является примером, которому всякий должен следовать. Есть только два вида умов, ни одному из которых мой замысел ни в коей мере не подходит. Во-первых, те, которые, воображая себя умнее, чем они есть на самом деле, не могут удержаться от поспешных суждений и не имеют достаточного терпения, чтобы располагать свои мысли в определенном порядке, поэтому, раз решившись усомниться в воспринятых принципах и уклониться от общей дороги, они никогда не пойдут по стезе,

которой следует держаться, чтобы идти прямо, и будут пребывать в заблуждении всю жизнь. Во-вторых, те, которые достаточно разумны и скромны, чтобы считать себя менее способными отличать истину от лжи, чем другие, у кого они могут поучиться; они должны довольствоваться тем, чтобы следовать мнениям других, не занимаясь собственными поисками лучших мнений.

Да я и сам, конечно, был бы в числе последних, если бы имел всего одного учителя или не знал существовавшего во все времена различия во мнениях ученых. Но я еще на школьной скамье узнал, что нельзя придумать ничего столь странного и невероятного, что не было бы уже высказано кем-либо из философов. Затем во время путешествий я убедился, что люди, имеющие понятия, противоречащие нашим, не являются из-за этого варварами или дикарями и многие из них так же разумны, как и мы, или даже более разумны. Тот же человек, с тем же умом, воспитанный с детства среди французов или немцев, становится иным, чем он был бы, живя среди китайцев или канибалов. И вплоть до мод в одежде: та же вещь, которая нравилась нам десять лет назад и, может быть, опять понравится нам менее чем через десять лет, теперь кажется нам странной и смешной. Таким образом, привычка и пример убеждают нас больше, чем какое бы то ни было точное знание. Но при всем том большинство голосов не являются доказательством, имеющим какое-нибудь значение для истин, открываемых с некоторым трудом, так как гораздо вероятнее, чтобы истину нашел один человек, чем целый народ. По этим соображениям я не мог выбрать никого, чьи мнения я должен был бы предпочесть мнениям других, и оказался как бы вынужденным сам стать своим руководителем.

Несмотря на то что Декарт не считал, что он более способен отличать истину от лжи, чем другие, и готов был учиться у других, тем не менее он решает сам себе быть руководителем на пути познания. В христианстве существуют духовные наставники, а в индуизме и буддизме учитель является беспрекословным авторитетом, и понятно почему – истина дается свыше, и новичку нужна помощь того, кто обладает большим духовным опытом, чтобы правильно усвоить ее. Тем не менее Декарт решает быть сам себе учителем притом что не претендует ни на особые способности, ни на исключительный духовный опыт. Это так, потому что путь к истине он ищет в обращенности не к высшему началу, а к себе, вернее, в простых принципах познания, которые заложены в каждом, кто обладает разумом, и которые позволяют прийти к правильному познанию любому человеку независимо от его природных способностей. Этой убежденностью он, как представитель новой эпохи, отличается от средневекового человека, хотя свои первые шаги на пути познания делал очень осторожно, как он рассказывает об этом далее.

Но как человек, идущий один в темноте, я решился идти так медленно и с такой осмотрительностью, что если и мало буду продвигаться вперед, то по крайней мере смогу обезопасить себя от падения. Я даже не хотел сразу полностью отбрасывать ни одно из мнений, которые прокрались в мои убеждения помимо моего разума, до тех пор пока не посвящу достаточно времени составлению плана предпринимаемой работы и разысканию истинного метода для познания всего того, к чему способен мой ум.

Будучи моложе, я изучал немного из области философии – логику, а из математики – анализ геометров и алгебру – эти три искусства, или науки, которые, как мне казалось, должны были служить намеченной мною цели. Но, изучив их, я заметил, что в логике ее силлогизмы и большинство других правил служат больше для объяснения другим того, что нам известно, или, как искусство Луллия, учат тому, чтобы говорить, не задумываясь о том, чего не знаешь, вместо того чтобы познавать это. Хотя логика в самом деле содержит немало очень верных и хороших правил, однако к ним примешано столько вредных и излишних, что отделить их от этих последних почти так же трудно, как извлечь Диану или Минерву из куска необработан-

ного мрамора. Что касается анализа древних и алгебры современников, то, кроме того, что они относятся к предметам весьма отвлеченным и кажущимся бесполезными, первый всегда так ограничен рассмотрением фигур, что не может упражнять рассудок (*entendement*), не утомляя сильно воображение; вторая же настолько подчинилась разным правилам и знакам, что превратилась в темное и запутанное искусство, затрудняющее наш ум, а не в науку, развивающую его. По этой причине я и решил, что следует искать другой метод, который совмещал бы достоинства этих трех и был бы свободен от их недостатков. И подобно тому как обилие законов нередко дает повод к оправданию пороков и государство лучше управляется, если законов немного, но они строго соблюдаются, так и вместо большого числа правил, составляющих логику, я заключил, что было бы достаточно четырех следующих, лишь бы только я принял твердое решение постоянно соблюдать их без единого отступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.